

Продолжение

Для нас есть такое железное правило: мы молимся и просим, чтобы Господь дал нам смирение, чтобы Он избавил нас от гнева; и, по нашим молитвам, пусть Господь посылает нам соразмерные с нашими силами обстоятельства. А мы должны только стоять в них и не уходить ни в келью, ни в монастырь, ни в деревню, ни в тихие заводы и обители, спокойные места. Там, где поставил нас Господь, стоять и претерпевать то, что нам посылается. Вот это главное и необходимое спасительное средство, без этого у нас не будет ничего.

Кроме того, есть множество разных духовных приемов, которые люди опытные нам рекомендуют. Это – страх Божий, воспоминание слов Евангелия о том, что, если ты не сешь дар свой к алтарю, а брат твой имеет нечто против тебя, то поставь свой дар, иди и примиришься с братом твоим (Мф. 5, 23–24). В приложении к нам это звучит так: пока мы находимся в плену у гнева, даже мысленного, внутреннего, наши молитвы, как бы мы усердно и жарко ни молились, ни били поклоны, ни читали правила и прочее, остаются как пустой звук и Небесами не принимаются. Я надеюсь, не надо объяснять, что под гневом понимаются не только внешние действия, но и слова, и не только действия и слова, а самое главное – внутреннее состояние нашего сердца. Вот этот страх мы должны в себе возбуждать, и он будет противостоять нашему желанию продолжать пребывать во гневе.

Что нужно еще? Мы уже говорили, что нужно следить за своим сердцем, испытывать его. И, если мы увидим неправедность нашего гнева, какими бы благовидными предлогами он ни вызывался, – ополчаться на него, молиться об изгнании его и внутренне противиться ему. Есть еще один прием: когда мы хотим совершить какое-то действие или сказать какое-то жесткое слово, то не делать этого по первому импульсу. Надо постараться его сдерживать, хотя бы на короткое время. Куда-то отойти помолиться, рассудить, а потом, уже успокоив бурление страсти, решить, стоит его произносить или не стоит. Во множестве случаев, успокоившись, мы убеждаемся, что произносить его не стоит. Если мы научимся такому правилу, то оно нам много поможет. Ну и, конечно, готовность претерпеть все до конца. Что бы такой вопрос у нас даже не возникал: сколько же можно терпеть? Пока живы – будем терпеть. Сколько Господь даст – будем терпеть. В этом наша жизнь и состоит. Если мы хотим победить зло в себе – значит, нужно терпеть. Если не хотим – тогда вопрос другой; тогда не о чем нам и разговаривать.

В заключение, – чтобы мы не считали свою задачу выполненной, если мы быстро гневаемся и быстро отходим или просто нам удастся удержаться от того, чтобы не ударить или скверными словами не обозвать, чтобы мы понимали, куда мы должны пойти, – я вам приведу слова преподобного Иоанна Лествичника: «Я видел трех иноков, в одно время потерпевших бесчестие. Один из них оскорбился, но смолчал; другой порадовался ради себя, но опечалился об укоровшем его; третий же, воображая вред ближнего, пролил теплые слезы» (Слово 8, гл. 27). Вот три ступени борьбы с гневом, стяжания смирения и совершенствования в этом. Туда мы должны подняться. Пусть память об этом все время показывает нам, как далеко мы еще стоим от того, к чему мы должны стремиться.

*Из книги протоиерея Георгия Нейфаха. «О страстях и покаянии».
Издательство «Правило Веры», 2008 год*

Зёрнышко

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Николо-Прозорово апрель'18

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Одна из самых чудесных подробностей жизни Спасителя была увидена пророком Захарией сквозь темную пелену времен и описана так: *...ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9). А евангелист Лука, очевидец, так описывает это событие: *Он пошел далее, восходя в Иерусалим. И когда приблизился к Виффагии и Вифании, к горе, называемой Елеонскою, послал двух учеников Своих, сказав: пойдите в противоположащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвязав его, приведите; и если кто спросит вас: «зачем отвязываете?» Скажите ему так: «он надобен Господу».*

Посланные пошли и нашли, как Он сказал им. Когда же они отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу. И привели его к Иисусу, и накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса. И, когда Он ехал, постилали одежды свои по дороге. А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! Мир на небесах и слава в вышних!» (Лк. 19: 28-48).

Это описание исторического события, произошедшего двадцать столетий назад, как его приводит очевидец. Однако это событие имеет, кроме исторического, еще и духовный смысл, а посему и нравственное значение для каждого современного христианина. В соответствии с духовным смыслом, Иерусалим означает душу человеческую, а вход Господень в Иерусалим означает вхождение Бога в душу.

Множество народа, в тесноте и давке радостно ожидающего и приветствующего Христа, символизирует собой благородные чувства и возвышенные мысли человека, радующегося пришествию Бога – своего Спасителя и Избавителя. Предводители толп народа, ненавидящие Христа и стремящиеся убить Его, олицетворяют собой низменные желания и приземленные мысли, которые берут верх над благородной природой человеческой и угнетают ее. Теперь эта низменная природа людская восстает против вхождения в душу Бога, ибо воцарение Бога в душе непременно уничтожит ее.

Храм Иерусалимский символизирует собой святое святых человеческой души, то сокровенное место, где Дух Святой и у самого большого грешника имеет крохотный приют. Однако земные страсти и туда проникли, и низменная природа людская и его употребила для своих дурных целей.

Христос исцеляет лишь тех болящих, что припадают к Нему с верой, а это означает, что некоторые порывы души, хотя и болящей, жаждут единения с Богом и стремятся к Нему – единственному в мире Врачу. Пророчество Христа о гибели Иерусалима символизирует гибель всякой души, которая Бога отвергает, унижает и извергает из себя.

Никто на этом свете не счастлив кроме того, кто широко открыл врата своего духовного Иерусалима – своей души – и принял Бога в себя. Безбожник чувствует себя до отчаяния одиноким. Общество не прогоняет его одиночество, но усугубляет его. А тот, кто вместил Бога в душе своей, тот и в пустыне не чувствует одиночества. Никто не умирает вечной смертью кроме того, в ком умер Бог.

Святитель Николай (Велимирович)

Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я

Гнев – это та страсть, которая, конечно, всем знакома. И здесь не надо радоваться малой степени знакомства, потому что это – та ложка дегтя, которая портит бочку меда. Святые Отцы, многими подвигами достигшие безгневия удивительной силы, единодушно свидетельствуют, что ничто так не отгоняет благодать Духа Святого от нашего сердца, как гнев. Так что не надо утешаться мыслью, что я гневаюсь немножко, а другие гnevаются сильнее, тем более что всегда можно найти кого-нибудь, кто что-нибудь делает еще хуже, чем мы. Это путь в духовном смысле тупиковый, погибельный. А кроме того, по свидетельству святых Отцов бесы гнева маскируются, чтобы не вызывать нашего беспокойства. Чтобы оставлять нас в безопасности, они не разворачиваются в полную силу, довольствуясь малой, но достаточной дозой яда с тем, чтобы более сильная доза не возбудила нас к борьбе с ними. Я, как исповедующий священник, часто слышу: «Я мгновенно всем прощаю: сейчас погневался, сковородкой запустил, а через пять минут уже люблю как родного». Человек утешает себя тем, что хоть и вспылчив, но быстро отходит. Преподобный Иоанн Лествичник пишет по этому поводу, что бесы гнева так себя специально ведут, чтобы оставить человека в безопасности относительно своей болезни (Слово 8, гл. 9). Гнев не только отгоняет от нас благодать Духа Святого, но и помрачает разум. То есть во гневе человек теряет разум. Он теряет способность ориентироваться в окружающей жизни, он не может отличить правды от неправды и добра от зла. И ясно, когда человек идет в темноте, пораженный этой слепотою, он впадает во многие ямы, овраги и всяческие вражеские ловушки.

Человек перестает любить людей, кроме избранного количества святых и праведных, к которому сам обычно не принадлежит. Всех остальных он начинает не любить как пораженных грехом. Это можно видеть в сектах, это можно встретить во многих древних ересях. И, к сожалению, это бывает и в нашей Православной Церкви. Наша ненависть ко греху смешивается с ненавистью к ближнему, с гневом на ближнего, и мы не находим путей к помощи, которые мы могли бы найти. И вот здесь нужно сказать, что главное средство, которое существует против греха, – это любовь. Любовь, милость – это есть главное оружие, которым праведный гнев вооружается с охотой. Когда мы ненавидим, казалось бы, грех ближнего нашего, мы можем, мысленно проверяя свое сердце, представить: а вот что, если попробовать исправить его любовью? Если нам сразу станет как-то неприятно, не по себе в сердце нашем, значит, нам только кажется, что гнев наш праведный. На самом деле это самый настоящий гнев, самая настоящая злоба, враг, которого мы должны изгонять. Истинный праведный гнев, который ненавидит грех и любит, даже пораженный грехом, образ Божий, всегда с радостью принимает возможность исцеления этого недуга любовью и с сожалением и сокрушением, по необходимости, берется за меч.

Как же бороться со страстью гнева? Мы часто находим некое внешнее средство – убежать. Обычно это выражается в различных бесплодных мечтаниях: «Ну, тут невозможно не грешить, вокруг такие уроды ходят, как тут не прогневаешься? Вот если бы нам бы в монастырь (лес, хижину, пещеру), и там молиться». Для нас это бесплодные и вредные мечтания, которые отвлекают от насущной деятельности. Или гневливость наша проявляется на внешние предметы, на обстоятельства, которые складываются не по нашей воле. В Патериках рассказывается об одном брате, который, стремясь к покою души и безгневно, ушел в пустынную келью. И там бес искушал его через кувшин, который у него все время падал. И он гневался на этот кувшин с такой же пылкостью и яростью, с которой бы гневался на люде . Но даже если удаление доставляет нам покой, то в этом нет никакого врачевания страсти.

Эту ситуацию святые Отцы сравнивают со змеей, которая, находясь в закрытом сосуде, никого не кусает, но от этого ядовитой змеей быть не перестает. Как только ее выпустят – она укусит. Цель наша состоит не в обретении покоя, а в очищении сердца. И поэтому, когда Отцов спрашивали о средствах борьбы с гневом и хорошим ли является удаление от людей, удаление в более пустынное место, к более спокойной жизни, то ответ был, что все это бессмысленно без стяжания внутреннего смирения. А оно приобретается как раз через общение с себе подобными, через смирение перед себе подобными. В приложении к нам, когда мы говорим, что хорошо бы уйти в монастырь или пустынную келью, то это пустые мечтания. Они вредны, потому что мы из реального мира переходим в мир теней. Бывают и практические размышления: идти в храм, где меньше людей стоит, там мы не будем раздражаться (это не всегда плохая мысль); не ходить на воскресные службы, а ходить по будням, когда народу мало; уйти с одной работы на другую или уехать из города в деревню – такие мысли иногда бывают реальными планами, а хуже всего, что они еще и осуществляются. Это бегство никогда ни к чему не приводит, потому что от людей мы уходим, а страсти остаются с нами, и бесы, которые их возбуждают, тоже пойдут с нами куда угодно. И наоборот, мы уходим от тех врачующих средств, которые нам даны. Вот здесь мы приходим к той мудрости, которую преподобный Иоанн Лествичник выразил следующими словами: «Спрашивают у гнева: кто главный твой враг? Это смиренномудрие, – отвечает гнев», то есть смирение, готовность претерпеть (Слово 8, гл. 29). Готовность претерпеть? А сколько терпеть-то? На этот вопрос я могу ответить. Ответ простой. Ответу словами старообрядцев. Если даже старообрядцы до этого додумались, так тем более мы должны это знать. Когда протопоп Аввакум направлялся в ссылку, они шли пешим этапом. Был снег, скользко, они все время падали. Когда в очередной раз его матушка, Настасья Марковна, упала, то она кого-то толкнула, тот на нее упал. Она встала и говорит: «До коих же пор это будет продолжаться?» И Аввакум ей отвечает: «До самой, Марковна, смерти». Если он, будучи немереным гордецом, до этого дошел, то мы, подражатели смиренномудрых, должны в этой мысли укрепиться твердо. Терпеть будем до самой смерти. Стяжем смирение, – Господь даст нам покой еще до земного конца. Впрочем, практически нигде в житиях святых мы не видим, чтобы Господь, по крайней мере, время от времени, не полировал бы этих святых какими-нибудь испытаниями. Как говорил преподобный Макарий Оптинский: «Всё это щеточки, без них монах заржавеет». Даже со святых этот поверхностный слой ржавчины, который образуется, покуда человек во плоти на земле, нужно тщательно счищать, тем более и нам есть, для чего потерпеть. Чтобы мы это помнили, можно привести стихотворение преподобного Амвросия Оптинского: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я». Так что, терпеть будем до самого конца.

Итак, терпение. Вообще хорошо, батюшка, говоришь, красиво, только где это терпение взять-то? Вот это вопрос более сложный. Хорошо лечить смирением гнев, но где это смирение взять? А вот где его взять: это как раз и приобретается через перенесение всех тех жизненных коллизий, скорбей, обид (особенно скорбей, обид, унижений, оскорблений), которые на нашу долю выпадают в повседневной жизни. И вот здесь мы как раз приходим к совершенно обратному выводу, что не бежать надо от них, а, наоборот, стоять в них. Люди очень высокого духовного накала не только в них стояли – они их искали. Но не бежать от искушений, а стремиться к ним – это удел немногих. Это не для нас. Для нас это может превратиться в смирение паче гордости.

Продолжение на последней странице